

Виктория Арутюнян

Сельское солнце

История одного
писателя

Виктория Ашотовна Арутюнян

Сельское солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29339950

SelfPub; 2017

Аннотация

Незатейливая повесть о деревенском писателе, в котором вы, возможно, узнаете себя или кого-то из своих родных.

Сельское солнце

– Не могу принять, Севостьяныч. Негде опубликовать. Не тот формат, понимаешь...

Большая рука главреда опустилась на стопку листов бумаги в линейку, будто припечатывая: ну не тот формат! И ничего не попишешь.

А писать-то хотелось...

Дед Ермолай виновато улыбнулся, пожал плечами и пошёл к выходу.

Главред крикнул вслед:

– Пиши о реальном! Нам факты нужны.

– Это разве ж не реальность? Она самая и есть, – бормотал незадачливый писатель, уходя.

Всё повторялось с незначительными вариациями вот уже два месяца. По четвергам дед Ермолай надевал васильковую рубаху, перевязывал ленточкой свои рукописи и отправлялся в редакцию газеты «Вестник села». Ему очень хотелось, чтобы в одном из выпусков напечатали его рассказ. Хотя бы пустячный! Но Михал Игнатьич был неумолим:

– Сам знаешь, Севостьяныч: самодеятельность у нас только приветствуется. Но не в таком же виде!

– В каком?

– Ну вот слушай, – главред откашлялся и начал читать, – «Звёзды, братцы, они ведь тоже живые. И темноты боятся, и льнут друг к другу, будто дети малые. Падать на Землю им ох как страшно...» Это как, по-твоему?

Дед Ермолай смотрел с недоумением.

– А что? Боязно им, звёздам-то. Вот ты видел небо ночное?

– Видел, конечно, – вздыхал Михал Игнатьич. Он с тоской вспоминал детство. Ещё мальчиком будущий главред бродил по селу с друзьями, любовался небом и верил во что-то хорошее и великое. Прошло много лет. И что же? Приходится сидеть в крошечной комнатке и слушать всяких сумасшедших... Разве об этом он мечтал!

От этих мыслей главреду становилось ещё грустнее, и он ругался:

– Я вам что, один на всех? Дела у них... А Михал Игнатьич должен выполнять чужую работу! Что ты пишешь, Севостьяныч? Какие звёзды? У нас деловая газета для сознательных граждан!

Говорил и морщился: звучало слишком официально, но другие слова в голову почему-то не приходили. Дед Ермолай вздыхал. То ли сочувственно, то ли укоризненно.

– Ладно, – смягчался главред, – попробуй другую тему.. хм-хм... осветить. Напиши, например... э-э...

Михал Игнатьич смотрел в окно. Огромное сельское солнце висело над холмом. Неподалёку стояла корова и флегматично жевала траву.

– Вот! И как это я забыл! Об удоях напиши! У нас по этому вопросу материала хоть отбавляй, а писать некому. Им же политику подавай, новости села или поздравления на по-

следней странице... Интересное, в общем. А разве хозяйство – неинтересная тема? Вся деревня на этом и стоит. Они не понимают. А кто дела делать будет? Опять Михал Игнатьич? Уволить всех!

– Да ты не сердчай, – говорил дед Ермолай, – сам знаешь, нынче времена непростые.

– Знаю! Не понаслышке! – главред входил в раж, оттягивал воротник рубашки. – С удоями плохо! С репортажами и того хуже! Молодёжь социально пассивна! Севостьяныч, хоть ты-то не расстраивай!

– Понимаю, понимаю...

***

Рассказ – поход в редакцию – отказ. Снова и снова. Газета «Вестник села» продолжала существовать, несмотря на сократившийся штат. Со страниц вещали чиновники и другие известные люди. Раздел «Экономика» содержал сложные статистические таблицы, культурный сектор был представлен стихотворениями в честь именинников и объявлениями о продаже яблок и аккордеонов. Даже фотографии имелись.

– И это культура, – ворчал дед Ермолай, – «Куплю б/у автомобиль...», «Дорогую Елену Александровну поздравляют соседи...», «Восьмого августа проводится ярмарка...»

Почтальон Серёжка, только-только окончивший училище, аккуратно доставлял газету жителям села по средам. Иногда он задерживался у дома Севостьяныча, чтобы послушать, что скажет старик о новом выпуске.

Дед Ермолай поднимал глаза к небу, с которого смотрело солнце.

– Вот оно... Солнышко наше... Живительная сила. Сколько радости приносит! С урожаем помогает... Как же об этом не писать?

Серёжка молчал, сдвинув поношенный картуз на затылок. Тоже смотрел на небо, шурился, улыбался чему-то. За забором кукарекал петух. Будто смеялся.

Гостей Севостьяныч принимал редко. Жил на краю села. Тихо, по-стариковски. Ходил на рыбалку, собирал урожай, пилил, рубил, красил. Бродил по рынку, удивлялся: чего только не придумают! И комбикорм привозят, и корзины плетёные, и радиоприёмники, и автомобильные шины... Умные люди, дельные. А главного-то и не видят...

Дочь приезжала, когда находилось время. Иначе говоря, пару раз в год. Уговаривала отца перебраться в город. Вот и она теперь – городская...

– Папа, так нельзя! Живёшь один в глуши... А если случится что? Я буду чувствовать себя виноватой!

«В глуши, – с горечью говорил себе Севостьяныч, – сама-то где выросла, Оксанка? Не в этой ли глуши?»

– Ты подумай! Квартира на втором этаже, телевизор, все удобства... Парк рядом!

– Какой у вас в городе парк, дочка? Одна аллея да деревца чахлые. И телевизор мне без надобности. Выйду на улицу – вот где события! А воздух здесь целебный, ей-ей! Ты

разве забыла, как бегала по селу, цветы собирала, скотину кормила? Не думала тогда об удобствах-то!

Оксанка неловко улыбалась. Она всё помнила. Но это дело прошлое, годы пролетели...

– А всё-таки никуда это, пап, не годится!

Хорошая дочка, заботливая. Только не понимает, что Севостьяныч к земле родной накрепко прирос – не оторвать...

Разговор откладывался до следующей встречи.

Внук рос – на радость деду. Мог и велосипед починить, и забор поправить, даром что молоденький совсем. Но и ему в городе непросто приходилось. Приедет, гостинцы привезёт, поможет Севостьянычу по хозяйству... А потом сидит в своих... как их... гаджетах ночи напролёт. Улыбается устало:

– Работаю, дед! Каждый час дорог. Начальник ждать не будет!

«Гад-же-ты, – думал дед Ермолай, – слово-то говорящее: ну и плохой же ты, мол, человек! А мой Лексей добрый, порядочный... Поменьше бы ему с этой техникой возиться...»

– Поешь хоть! Чем богаты, – Севостьяныч суетился, доставал скатерть с подсолнухами, угощал внука салатом, мясом с рынка, деревенским творогом и чаем с конфетами. Больше у него ничего и не было. Бабки уж, почитай, пять лет нет. Готовить некому.

– Отдыхай, дед, я сам! – Алексей ловко нарезал колбасу, делал бутерброды.

– Отойду к Господу – там и отдохну! – улыбался Севос-

Стьяныч.

– А ну-ка брось! Ты нам и здесь, на Земле, жизненно необходим...

Так шло время. Внук уезжал в город, а дед Ермолай оставался. Провожал дни один за другим, кормил кота. Журил:

– Ты, Котофей, уж и мышей не ловишь! Пошто ленишься? Дымчато-серый кот преданно смотрел в глаза. Громко мяукал по утрам.

– За петуха работает, – объяснял дед Ермолай Серёжке, – Будит чуть свет...

По вечерам Севостьяныч сворачивал сигарку, садился на брёвна под звёздами. Красивое небо. Бездонное. Волшебное! Чертит звезда ровную дорожку, катится прочь с небосклона и исчезает где-то. Пока несётся к Земле, замирает от страха. Встречают её городские огни. Каких только нет: жёлтые, красные, оранжевые, молочно-белые, золотые! Отражения их дрожат в воде. И всё бы ладно, всё хорошо... Да вот бледные эти огни, неподвижные, молчаливые. Посмотришь – закручинишься: что-то большое и значительное из виду упустил, поверил в важность ночных маячков. А разве мало огней-обманок? Заведут неведомо куда и оставят наедине с собой. Думай, человек, как выбраться! Кумекай, соображай, на то нам голова и дана...

Так и жизнь пройдёт.

Дед Ермолай перебирал воспоминания. В молодости-то на *философию* времени не оставалось. Работаешь, бывало,

сутками. Строишь, пилишь, копаешь, чинишь... Надеешься на лучшее. Вот наступит миг... И в дом придёт счастье! Свернётся калачиком в уголке, будто кот или ещё какая зверушка малая, и никогда больше с места не сдвинется.

Где этот миг? Река жизни текла плавно. Не обошлось и без водоворотов, конечно... Но это мелочи. А счастье-то, кажись, прозевал! Какое оно, счастье? Не эти ли тихие раздумья? Может, оно самое ценное и есть?

Теперь вот – звёзды...

В темноте огонёк самокрутки был едва различим. В соседнем доме, глядя в окно, вздыхала старушка. На улицу не выходила – холодно. Любимый тёплый платок пропал куда-то. Не иначе как проказник домовый утащил! Свил уютное гнёздышко и спит сладко, в ус не дует...

Старушка добродушно усмехнулась: дожила! Сказки самой себе рассказывать приходится.

– Сидит, болезный, – она устремила взгляд в окно, – всё сидит...

Соседка торжественно обещала приготовить вишнёвый пирог и угостить старика, чтобы ему жилось веселее. Ведь не просто так сидит человек вечером в саду! И покормить, верно, некому...

Она была приезжая и потому не знала, что ежевечерние размышления стали для деда Ермолая доброй традицией. Звёзды успокаивали. Вдохновляли. И уже ближе к ночи Севостьяныч уходил в свой домик, начинал писать.

– Глядишь, и получится дельное что-нибудь, – разглаживая бумагу, бормотал он, – а вот мы ещё чайку нальём...

Звездопад продолжался.

***

Свет в редакции не горел. Михал Игнатъич давно был дома, пил *кофей* с сахаром вприкуску и смотрел балет. Кустистые брови его поднимались и опускались в такт прыжкам и фуэте.

– Что смотришь-то на них? Взглянуть не на что!

Недовольная жена подошла к зеркалу и поправила причёску.

– Делом бы лучше занялся. Крышу перекрыть пора... Будка собачья развалится скоро! А он к искусству приобщается! Дивитесь, люди добрые!..

– Не серчай, Марья, – примирительно сказал главред, – почию.

Он переключил канал. Подтянутый телеведущий со скоростью не меньше ста слов в минуту рассказывал о закулисье шоу-бизнеса.

Тоска...

На улице замычала корова. Михал Игнатъич вспомнил статью об удоях.

– Как там дела у Севостьяныча? Получается что-то? – рассуждал он вслух. – Дело сложное.

У Севостьяныча не получалось. Главред забраковал уже семь рассказов.

«Корова – она как человек. Будешь любить животное – ответит благодарностью, подсобит в труде...»

«Коровы – кормилицы наши. Ты в глаза им погляди! Человечьи глаза-то!»

«Молоко – самая что ни на есть народная пища. Куда без него?»

«Ласковому человеку мир улыбается. А в нашем селе самые сердечные люди живут...»

Михал Игнатъич терпеливо объяснял:

– Вот ты тут написал, что, мол, ласковым мир улыбается. Прочитает этот репортаж наш Фёдор – Федорино Горе – обидится.

Федориным Горем называли заместителя главы сельской администрации. Он постоянно негодовал, критиковал любую работу и сетовал на несправедливость жизни.

– Понимаешь, да? Он радости ни в чём не находит.

– Как не находит?! А пруд с карасями... – заспорил дед Ермолай.

– Ему эти караси даром не нужны! Так вот: прочитает и обидится. Поэтому бросай свои *стихотворения в прозе* и пиши по существу. Как маленькому, одно и то же по сто раз повторяю!

– Старики – что дети малые, – бормотал Севостьяныч, – от них и ждать нечего...

Снова приехал внук. Дед Ермолай пожаловался ему:

– Ни на что, Лексей, я уж больше не гожусь!

– Откуда такой пессимизм? – внук хмурился.

– Да вот, – Севостьяныч махнул рукой, – Михал Игнатьич говорит, что писать надо иначе. А я-то и не умею... Наверно, пора бросать эту затею.

– Дай-ка посмотреть! – Алексей терпеливо читал забракованные статьи. – Ты слишком строг к себе. Свежий взгляд, актуальность темы... Дауншифтинг! Люди хотят понимать природу, чувствовать атмосферу жизни в деревне, на открытых пространствах... Воздухом чистым дышать хотят!

Внук прошёлся по комнате, вспоминая что-то.

– Может, я этим вопросом займусь? Рассказы, конечно, стоит подкорректировать... Гхм, отшлифовать. И будет тебе статья! Не в «Вестнике села», а в столичном журнале! Есть ещё много вариантов. Например... Хочешь зарегистрироваться в тематической социальной сети?

Алексей вырос хорошим человеком. Но иногда он изъяснялся на малопонятном языке.

– Что ты говоришь, в толк не возьму... Даунлифтинг какой-то приплёл... Да и с регистрацией проблем много будет. Столько бумаг собирать – конца и края нет, ей-богу! Мне бы рассказ напечатать...

– Ладно, – ответил внук, – повременим с современными технологиями. Напиши что-нибудь о природе! В своей манере. Ничего не меняй! Мы, мол, устали от городской жизни, мечтаем вернуться к корням... Ну, сам знаешь, как это делается, не мне тебя учить. А я позвоню Володьке.

Он уехал. Пора было выходить на работу. Сверять аналитические отчёты, сравнивать документы, налаживать контакты через профессиональные сети... Чем ещё занимаются люди бизнеса?

Тем временем дед Ермолай взялся за дело. Со всей ответственностью взялся! Он решил написать лучший рассказ в своей жизни. Отложил всю работу, кроме самой необходимой, и погрузился в творчество.

Целыми сутками сидел Севостьяныч в саду. Иной раз увлекался так, что не замечал, как ночь сменяет день.

– Вот чудеса! – восклицал он в такие моменты. – Скрылось солнышко, укатилось с небосклона... Вернётся завтра, порадует теплом да лаской. Доживём, Бог даст, увидим...

Дед Ермолай вспоминал молодость. Яблоньки, которые сажали всей семьёй. Гостей в доме. Весело жилось, несмотря на трудности. И ничего лучше не было, чем выйти на улицу с утра пораньше, пока все спят. Темнота только-только начинает отступать, ночь срывает покровы с бледного неба... Она неспешно собирается и уходит вдаль. Слышатся шорохи. Это волочится по траве сине-фиолетовый подол платья Ночи-Царицы...

А в оврагах клубится туман – густой, молочно-белый, текучий, как кисель, и лёгкий, как облако. Скоро он рассеется и явит миру благословенный уголок, столь дорогой сердцу. Хотя... Какой же уголок? Нет в родном краю ничего острого, резкого, грубого. Только круглое, мягкое, просторное, све-

жее и как бы смеющеся. И дышится здесь легко, и ни на какой город это не променяешь. Люди говорят, есть где-то в мире город золотой. Прозрачный, сияющий, светлый, полный чудес. В нём все друг другу рады, все скромны, приветливы и жизнелюбивы. Только и на этот город дед Ермолай не променял бы тихое село. У каждого своя любовь.

А молодые – что ж? Бегут в столицу, в мегаполисы, хотят найти себя. Кто не был стремительным и порывистым в их годы, кто не мечтал о странствиях и подвигах? Такое время. Это старикам впору тишиной да спокойствием наслаждаться, а они... Сильные, энергичные, жизнелюбивые... Только бы от ошибок их уберечь.

– Убережём! – клялся дед Ермолай. – Постараемся! Пусть поживут по-человечески!

Он снова брался за перо, пытаясь поймать ускользающие мысли, зафиксировать их на бумаге, чтоб не убежали никуда, не скрылись в густом тумане. Непростое это занятие. Так ведь и жизнь простой не назовёшь...

Севостьяныч правил, зачёркивал, подбирал слова. Торопился: в столице люди строгие, требуют, чтоб работа была завершена в срок! И это правильно, справедливо. Но вспомнят ли о нём? Опубликуют рассказ? Не засмеют ли? Вдруг всё зря?

Дед Ермолай поднял голову. Дрожали листья на ветру, в окнах дома отражался солнечный свет. А в воздухе витал аромат свежеспечённого пирога. На миг почудилось, что

на кухне хозяйничает Настасья Петровна. Вкусные пироги она пекла, бывало... Умелица. Весёлая, но скромная, к мужу уважительная. Севостьяныч скучал по ней. Столько лет вместе прожили...

Дед Ермолай оглянулся назад. За забором стояла старушка – хозяйка соседнего дома. Её синие глаза смотрели внимательно.

– Доброго здоровья Вам!

– И Вам не хворать, – Севостьяныч с любопытством покосился на маленький столик, который располагался под раскидистой сливой на участке его новой знакомой. Ба! Самый настоящий пирог! Большой, румяный, сразу видно – только что из печи. И чайник рядом – пузатый, синий в белый горошек.

– Вы уж не сердчайте на меня, старую, за пустую болтовню... Но... Не желаете ли пирога отведать? Испекла, а кому есть – не знаю...

– Вы бы, может, знакомых в гости позвали, – дед Ермолай растерялся.

– Одна я, звать-то и некого... Дай, думаю, соседа угощу... Приходите, здесь недалеко, – старушка неловко улыбнулась собственной шутке, и от глаз разошлись в стороны лучики-морщинки.

– Спасибо, – Севостьяныч собрал рукописи, прижал камешком, чтоб не разлетелись.

– А ну как дождь или гроза? Лучше в дом занесу. – Он

поднял глаза на соседку. – Ничего это? Я быстро...

– О чём разговор!

Вскоре дед Ермолай уже сидел под сливой, пил душистый чай и нахваливал пирог, который, вне всякого сомнения, удался на славу. Старушка (звали её Ангелина Фёдоровна) радостно улыбалась. Гостю понравилось угощение – что ещё надо, чтобы почувствовать себя счастливой? Не зря, стало быть, старалась!

– Вы какими судьбами здесь? – поинтересовался Севостьяныч.

Добрая старушка приехала из маленького городка, где раньше работала почтальоном. Муж её умер, а дети засобирались в столицу. Хотели и маму с собой взять, но она отказалась.

– Куда нам по столицам-то? Я уж, почитай, восьмой десяток разменяла. Промчится мимо какая-нибудь навороченная машина – возьму да и отдам Богу душу со страху!

Они посмеялись.

– Вот и Оксанка, дочка, в столице живёт. И внук Алексей. Хороший он, добрый. Помогает всем. Работает днями и ночами. Устаёт, конечно, а что поделать...

Ангелина Фёдоровна всё это понимала – вырастила внуку.

– Катюшка мир повидать захотела... Так-то... Мир посмотреть, себя показать. Учится в университете теперь, вот и Соня с мужем с ней переехали. А старший мой сын живёт

бобылём. Есть ещё внучка, только давно я её не видела.

Соседка помолчала, задумалась.

– Что в мире творится, разве разберёшь? Свободные отношения какие-то... Если перед Богом не супруги, какая же это семья?

Севостьяныч согласился.

– Вот в наше время...

После пирога Ангелина Фёдоровна убрала со стола и принесла большой альбом в коричневой обложке. Стали рассматривать фото. Перелистывали страницы, улыбались, вспоминали былое. А меж тем на улице смеркалось.

– Ох, – спохватилась соседка, – ужинать пора! Хотите яшенку? Или курочку? Мой старик так курочку любил – вообразить невозможно...

– Нет, что Вы! Сколько времени потратили на меня! И накормили, и чаем напоили... И поговорили мы славно. Спасибо, Ангелина Фёдоровна! Пора честь знать. Мне ещё писать надо...

– Что ж Вы такое пишете? Обращение в ЖЭК?

– Ну, тут дела помасштабнее, – улыбнулся дед Ермолай. Он не раз представлял себе, как придет журналист, откроет свой блокнот, черкнёт пару строк о Севостьяныче... Больше не надо. Главное – не автор, а рассказ! Без исправлений, ясное дело, не обойтись. Но потом произведение напечатают на целом развороте. Прочитают его люди и снова (после долгого-долгого перерыва) посмотрят вокруг! По-всамделишно-

му, а не мельком, не так, как обычно. Сколько «открытий чудных» их ждёт!

Дед Ермолай заранее обрадовался за этих людей. Он не считал себя великим писателем, способным пробудить в закоренелом цинике любовь к окружающему миру. Но хотелось верить в силу слова.

– Бывает? Бывает! И не такое! – Севостьяныч нахмурился. Ангелина Фёдоровна смотрела непонимающе.

– Ой, – очнулся дед Ермолай, – простите старого дурака! Ушёл в себя, а вернуться-то и забыл! Жду Вас в гости! Мой черёд Вас угощать. Посидим, побеседуем – время быстрее пройдёт. Или нам некуда спешить?

***

Алексей сдержал своё слово – прислал из города журнальстку. Севостьяныч представлял себе тургеневскую барышню, которая только начинает работать. Но уже по тому, как решительно гостя припарковала автомобиль возле домика деда Ермолая (чуть забор не снесла, ей-богу!), было видно: характер у неё имеется. И ещё какой!

К этому времени дед Ермолай закончил рассказ. Он очень старался, хотя, как и всякий творец, никогда не был целиком и полностью доволен получившимися произведениями. Но сейчас Севостьяныч чувствовал: лучше ему уже не написать! Целыми ночами бродил он по дому и саду, искал вдохновение, бил себя по лбу, приговаривал: «Эх ты, писатель, за такое дело взялся, а сроки срываешь...» Но теперь-то можно

успокоиться... Или нет? Ключевой момент!

– Доброго здоровья Вам, – начал он.

– Здравствуйте, – журналистка взглянула на деда Ермолая поверх очков. Они были в красной оправе – писк моды, насколько мода вообще способна пищать. Короткая стрижка, одежда в чёрно-белых тонах, дорогие часы... Судя по всему, эта дама ценила своё время.

– Рената Станиславовна, – представилась она. Казалось, слишком длинное отчество журналистке не нравилось.

– Рад встрече, – Севостьяныч обеими руками пожал протянутую руку, – милости просим... А я, значит, Ермолай Севостьяныч...

Гостя коротко улыбнулась и направилась по дорожке к дому. Ветер разгулялся, но солнце светило по-прежнему ярко и приветливо.

– Может, на воздухе лучше? – несмело предложил дед Ермолай.

– Хорошо, – согласилась журналистка, – сначала сделаем фотографии.

Она убрала очки, достала из сумки фотоаппарат и взглянула на Севостьяныча.

– Другой рубашки нет у Вас?

Дед Ермолай для встречи выбрал любимую васильковую рубаху и теперь искренне недоумевал: что не так? Но спорить смысла не было. Им, журналистам, виднее.

Рената фотографировала цветы в саду. Когда Севостья-

ныч вышел в рубашке песочного цвета, она одобрительно кивнула:

– Гораздо лучше. Для репортажа. Нет ярких пятен.

Блокнота у журналистки не оказалось. Она держала в руках телефон без кнопок.

– Это что? – поинтересовался дед Ермолай.

– Смартфон. Запись сделаю. Говорите, не стесняйтесь.

– Э-э-э...

Севостьяныч не знал, с чего полагается начинать.

– Расскажите о себе.

– А Вы разве не хотите произведение прочитать? Вдруг не понравится.

– Понравится, – отмахнулась Рената, – у нас работают редакторы и корректоры. В печать точно пойдёт.

Дед Ермолай удивлённо покачал головой. Он не подозревал, что внук договорился с другом: рассказу – быть! В любом виде и в каком угодно журнале. Лишь бы старик порадовался.

– Можно начать с творческой биографии. Кратко, – подсказала гостья, – почему Вы решили писать рассказы?

– Да нет её, творческой-то, – отозвался Севостьяныч, – не публикует ничего Игнатьич. «Об удоях пиши». Разве ж я не пробовал? Не годится. Извёлся весь. Отчаялся: видно, прошло моё время. А Лексей обнадёжил: «Складно получается, дед, ты не бросай это!» Может, утешить хотел... Да не привык внук мой неправду говорить. Вот я и не бросил. Теперь

увидим, получится что или нет...

– Понятно, – журналистка поднялась, – спасибо за интервью.

Прочитав рассказ, она вынесла вердикт:

– Неплохо. Коррекция, конечно нужна. Но идея стоящая.

Ждите. Свяжемся с Вами.

«Как свяжетесь?» – подумал дед Ермолай. – «Телефон-то не спросили... Почтовым голубем разве? Письмо пришлёте? Или через Лексея?»

Сбывались мечты. Но радости почему-то не было.

– И ещё, – Рената посмотрела на Севостьяныча, – у Вас только рукописный вариант в наличии?

Он и не подозревал, что можно фиксировать мысли как-то иначе. Привык...

***

Шли дни. Бывало, пролетали со скоростью света, а то и тянулись нескончаемо. Сердце деда Ермолая то замирало, то учащённо билось в такт времени. Он ждал.

– Как же это? – спрашивал Севостьяныч у соседки. Совместные чаепития стали уже хорошей традицией. – Не успеваешь оглянуться – уже заря полыхает! А по вечерам порой сидишь, думаешь... Ночь долгая-долгая.

– Вы что ж, больше не пишете свои бумаги? – простодушно интересовалась старушка.

– Какие бумаги? А, бумаги! – дед Ермолай махнул рукой. – Это рассказы. О погоде, о природе, о жизни. О нас

самих.

– Сами пишете?

– Пытаюсь.

Ангелина Фёдоровна подпёрла голову рукой. Она не понимала. Рассказы сочиняют писатели – важные, строгие. Ходит такой по комнате – хмурится, подсчитывает что-то, в окно смотрит, а потом одним прыжком бросается к столу внушительных размеров и строчит, строчит... В бытность свою почтальоном соседка деда Ермолая часто принимала на пункте выдаче пухлые конверты, чтобы передать их лично в руки. Одним из адресатов неизменно оказывался литератор Нижегородцев. Дверь открывала домработница.

– Всё сочиняет, отдохнуть некогда, – сокрушалась она. – Иван Демьяныч! Вам письмо!

– Ах, осторожнее! – откуда-то из глубины квартиры раздавался хрустальный голос-колокольчик.

«Не кормят его, что ли?» – размышляла Ангелина Фёдоровна. – «Слабый голосок...»

Писатель места работы, как правило, не покидал, поэтому пункт «лично в руки» не совсем точно отражал действительность. Конверты в кабинет приносила домработница. Однажды Ангелина Фёдоровна не застала её на привычном посту. Дверь в квартиру была не заперта.

– Входите, – прозвенел поэт, – сюда, пожалуйста.

Она пошла на голос и оказалась в кабинете. Худенький литератор сосредоточенно смотрел в пустоту.

– Вы что ж дверь не закрываете, – укоризненно сказала Ангелина Фёдоровна, – нынче времена такие...

Женщина искренне испугалась за поэта и потому перестала стесняться. Но он глянул со своего возвышения как-то раздражённо.

– Софья Филипповна отдыхает. У неё выходной. А у меня ремесло.

Ангелина Фёдоровна на всякий случай кивнула и поплотнее прикрыла за собой дверь...

А тут вот – дед Ермолай. Простой, добрый, синеглазый, в клетчатой рубахе.

– Подождём малость, – подмигивал он, – вдруг выйдет из всего этого толк? Сказать по правде, я и не знаю, верно ли пишу. Словно нашёптывает кто: «Расскажи, Ермолай Севостьяныч, что в сердце твоём делается, когда смотришь на эти поля!»

– Это конечно. Не хотите ещё чайку?

– Да Вы не слушайте меня. Заболтался совсем... Может, помочь чем? По хозяйству...

– Всё ладно, – Ангелина Фёдоровна куталась в шаль, – тепла только нет.

– Починять требуется?

– Нет-нет. Душевного тепла нет как нет.

– Ведь приезжали недавно Ваши-то...

Знакомиться с родными Ангелины Фёдоровны дед Ермолай тогда не стал. Зачем молодым его общество? Да и гости-

ли недолго.

– Вот-вот, – соседка верно истолковала молчание Севостьяныча, – некогда им...

– Алексей скоро обещал заглянуть...

– И хорошо. Хорошо, когда все собираются вместе.

... Внук приехать не смог. Зато во вторник над забором показалась голова Серёжки. Тот сиял, будто начищенный пятак.

– Ермолай Севостьяныч! Письмо Вам! А конверт какой огромный, поглядите-ка!

– Неужто опубликовали? Да так быстро! – старик заволновался. Даже забыл поблагодарить почтальона. Серёжка не спешил уходить. Остановился у калитки, перевесил сумку с одного плеча на другое, вытянул шею и замер.

Алексей писал: «Вот и напечатали твой рассказ в журнале, дед! Читай с удовольствием! Гонорар привезу на выходных. Лично в руки отдам!»

На самом деле плата за произведение не предусматривалась: редактор долго сомневался, прежде чем включить рассказ в очередной выпуск журнала. Наконец согласился, но предупредил: «Гонорара не ждите. Затрат на редактирование много». Алексей не стал разбираться: опубликуют – и ладно. А деньги он деду сам отдаст. Честно заработанные. Разве старик не заслужил?

Тем временем Севостьяныч достал журнал – новенький, свежий, пахнущий типографской краской. С обложки меч-

тательно смотрела в пространство старушка. На земле перед ней лежали запылённые баклажаны. «Хвала урожаю!»

– Что там? – напомнил о себе Серёжка. И смутился: – Если не секрет...

– Да вот... Почитать прислали... – дед Ермолай растерялся.

– «Дачные радости»? Хорошее название! А чего ж Вы на почте не заказали? Журнал московский, но и у нас выпускается! Пенсионеры и труженики села – целе-ва-я а-у-ди-то-ри-я!

Почтальон с удовольствием произнёс непривычные слова.

– А? – очнулся Севостьяныч. – Да всё недосуг как-то... Спасибо, Серёжа, за твою работу!

– Наше Вам почтение! Пошёл я...

Серёжка отправился разносить письма, а дед Ермолай развернул журнал – так бережно, словно от прикосновения бумага могла обратиться в прах. В содержании было указано: «Сельский рассказ – с.6-7». Севостьяныч с удивлением рассматривал свою фотографию и читал: «Пенсионеру Зорянову Е.С. скучать некогда! Изю дня в день он занимается творчеством, чтобы оставаться бодрым и здоровым. Пенсионер делится своими произведениями со всеми желающими. Следуйте его примеру и вы!»

И ещё много фальшиво-жизнерадостных слов. Рисуйте, мол, сочиняйте стихи и песни для профилактики болезни Альцгеймера.

– Да я вроде как не об этом пишу... И не за этим... Душа просит! А старение тут при чём? – бормотал дед Ермолай.

Разворот содержал советы «для тех, кому за...» и комментарий врача. Интервью в статью не вошло. Рассказ занял скромные три четверти страницы. Его было не узнать – исчезли все «может статься», «да вот как оно всё и делается», «вы, братцы, только вообразите»...

– Неграмотный я, – вздохнул Севостьяныч, – вот и вмешались знающие люди... Но...

Но и стиль изложения изменился совершенно. Сквозившие в каждой строке теплота, душевность, искренность точно испарились. Остался лишь набор жизнеутверждающих фраз. Всё было правильно, академично, строго... и скучно.

«Просторы села необыкновенно привлекательны не только для отдыхающих, но и для самих жителей! Я вспоминаю прошлые годы: много рыбы в реке, россыпь ягод и грибов в лесу, свежий воздух, животные резвятся... Хорошо летом!

Цените моменты единения с природой! Скажите спасибо минувшим дням! Смотрите в будущее с оптимизмом! Заботьтесь о здоровье! А мир вокруг вдохновит вас на новые свершения!»

– Да такой мир, пожалуй, никого не вдохновит, – сокрушался дед Ермолай, – люди скажут: «Ты чего, старый дурак, жизни нас учить вздумал? Тополя, рощи, цветы... Радуйтесь, благодарите... В священники али проповедники записался?»

Всё красиво, а только автору верить не хочется. Так пишут те, кто приехал в деревню на пару дней на побывку. Вроде бы и слух не режет, а... Реклама какая-то. Не рассказ.

Севостьяныч вспомнил недавний разговор с внуком. Чуждое дело – телефон: маленькая коробочка с кнопками, соединяющая людей! Даже провода нынче не требуются.

– Дед! Есть такое правило – автор перед публикацией должен прочитать свой рассказ и сказать, согласен ли он с окончательной редакцией. Тебе отправить?

– Это, наверно, долго идти будет, – сказал Севостьяныч.

– Ну почему же... Как обычно. Или сам привезу, когда смогу. А?

– Не тревожься, Алексей. Люди лучше знают, как напечатать... Разве могу я их учить? Ещё, чего доброго, опозорюсь на всю столицу!

– Подумай хорошенько. Или хочешь, по телефону прочитаю? Сейчас Серёга пришлёт текст – и я сразу...

– По телефону не надо! – деду Ермолаю не терпелось получить свежий номер и всё увидеть самому. Да и связь дорого стоила...

...Теперь Севостьяныч корил себя. Куда спешил, дурень? Мог хотя бы проверить, сохранился ли смысл. И ведь сердце не подсказало!

– Я-то думал, надо только ошибки исправить... – он развёл руками.

Алексей прислал целых два журнала – позаботился о вто-

ром экземпляре. Дед Ермолай снова изучил разворот. «Репортаж Ренаты Солем»... Конечно, она много умнее старика. Но тогда уж писали бы: «Рассказ Ренаты Солем».

В конце концов Севостьяныч решил: сам виноват! Не умеешь излагать мысли красиво, ясно и грамотно – не лезь в прозаики! И в поэты тоже. Сиди и... сочини́й тексты для профилактики деменции.

Значит, прав был Игнатьич, отвергая статьи незадачливо-го писателя одну за другой. Кому нужна эта бездарность? Ведь рассказ, которому полагалось стать вершиной творчества, оказался ни на что не годным. Что говорить об остальных, менее проникновенных!

Позвонил внук. Поинтересовался весело:

– Ну, прочитал? Как тебе?

– Спасибо, Лексей! Всё на славу удалось, – дед Ермолай вздохнул.

– Ой ли? Ты как будто расстроен...

– Разве ж могу я расстраиваться? Ни в коем случае! А вот у тебя голос усталый. Отдохни хоть. Все дни напролёт пашешь, пашешь...

– Успею ещё. А здорово получилось, дед! Талантливо!

– Ты читал первый вариант? – осторожно спросил Севостьяныч.

– Конечно. И первый, и окончательный. Оба в духе времени...

– А тебе не показалось, что смысл чуть-чуть изменился?

Алексей задумался.

– Ну... Я обратил внимание на стиль. Оригинал поживее, для сердца приятнее и трогательнее, что ли... Но получившийся рассказ соответствует тематике журнала и носит в какой-то степени назидательный характер. Вписывается в формат, понимаешь.

Снова формат...

– Это Рената... Как бишь её? ... Содем – постаралась. Вот кто талантливый!

– Всё как надо, дед! Не забивай голову всякими мелочами. Твоя задача – глаголом жечь сердца людей. Задача редакции – работать с текстом. Даже то, что идёт прямо из глубины души, просто так не напечатают. Есть определённые требования. Не будем соблюдать – останемся без публикации...

Дед Ермолай окончательно запутался. Вариант Ренаты содержит полезную информацию и может помочь старикам взглянуть на жизнь с оптимизмом. Он небольшой, правильно составленный, актуальный... Не останется в памяти надолго? Да такой цели, кажется, и не было... А рассказ Севостьяныча для печати не подходит: много просторечных выражений, нет никаких советов... Хочется поделиться с людьми впечатлениями об окружающем мире? Что ж! Стоит научиться делать это яснее.

***

Жизнь пошла своим чередом. Не осталось в ней места черновикам и рукописям. Зато огород требовал внимания.

Полоть надо, копать, поливать... Приводить в порядок маленький домик.

Ангелина Фёдоровна держалась в стороне. Конечно, она предлагала свою помощь, угощала соседа вареньем и компотами, поила его душистым чаем и, тихо улыбаясь, смотрела, как он работает – остановится, задумается, тряхнёт головой и опять за дела принимается...

Правда, и у неё хлопот прибавилось – пора было выращивать цветы и зелень. Вот приедут родные в гости... А ну как чудо случится – не на день, не на два, а на целый месяц останутся они в селе!

– Отдохнут хоть по-человечески, – объясняла старушка Севостьянычу, – здесь всё знакомое... А в Испаниях что? Быки свирепые да пальмы эти разлапистые? Нет, верно сказано: где родился, там и содился. Своя сторона сердцу милей.

– Так ведь они не здесь родились, – рассеянно замечал дед Ермолай.

– Но и не за границей! В нашей стране, среди такой же вот зелени. – Ангелина Фёдоровна вздыхала. – Как случилось, не пойму: не трогает их красота родной земли. А без них и мне неспокойно. Жить – небо коптить.

– Вот и я говорю – в чём смысл? – соглашался Севостьяныч. – Зачем-то ведь нам Господь отмерил нам такой срок. Детей-внуков вырастили, работу свою выполнили. А дальше..?

– Отжили своё. Но и расставаться с этим, – соседка указала куда-то за горизонт, где холмы и домики с разноцветными крышами сливались с небом, – не хочется. А?

– Не узнать простым людям, в чём промысел Божий, а всё ж не просто так, не случайно делается! Вот покрасил я забор, да? Прополол огород. Скоро морковь в рост пойдёт. И помидоры, и огурцы... Много ли надо старику? Мог бы и в магазине покупать.

– Там же химия сплошная, – возразила Ангелина Фёдоровна.

– Не всё ли равно на склоне лет? А вот копошусь, занимаю себя делами разными, чтобы правды не видеть.

– Зато внукам своё полезно. И домик потом их будет. Нельзя же сидеть да ждать, пока всё быльём порастёт!

– Эх, соседка, да им проще и дешевле в магазине овощи купить, чем к нам сюда ехать! Нынче, говорят, в супермаркеты фермерские продукты завозить стали. Свежие, качественные. А здесь или неурожай, или жуки колорадские, или ещё ерунда какая-нибудь приключится.

– Фермеры... Слово-то не наше.

– Мы испокон веков крестьянами звались: сами вырастили – сами пользоваться будем. А вот фермерам полагаются государственные дотации. Чтобы сельское хозяйство развивать.

Старушка посмотрела на соседа с любопытством:

– Вы интересовались этой темой?

– Да так... По вечерам делать нечего – сажусь новости смотреть. Лучше б не начинал, ей-богу! Взрывы, пожары – катаклизмы сплошные.

– Раньше Вы всё в саду сидели...

– Было время... Холодно теперь в саду. А дом, – сказал он ни с того ни с сего, – долго простоит. Что ему сделается! Раньше ведь как строили? Не на годы – на века.

***

Неторопливо вставало солнце, роняло лучи-перья в реку, золотило дороги и поля. Ветер шумел в кронах деревьев, лохматил волосы.

В доме напротив всё пришло в движение: хлопали дверьми и калиткой, выносили огромные мешки. Рядом останавливались машины, выгружали новенькую мебель.

Дед Ермолай с удивлением наблюдал за этой суматохой. Городские приехали! Вот уже полгода дом стоял без хозяев. Наверное, покупатели наконец нашлись.

Да, событие было важное – люди не просто приобрели участок земли с домом, а, по всему виду, собрались обосноваться в селе. Всерьёз и надолго. Хотя кто их знает! Может, на лето останутся и потом в город укатят...

Ангелина Фёдоровна подтвердила:

– Купили! Не кто-нибудь – новый глава администрации!

– В такой глуши?! – изумился Севостьяныч. – И домишко небольшой...

– Что Вы! Главная дорога неподалёку, магазин за углом.

Всяко сподручней, чем с окраин ездить... А что домик маленький... – соседка наклонилась к его уху и зашептала:

– Петровна говорит – золотой человек! Вежливый, сдержанный, *исключительно положительный!*

– Петровна – стрекоза, каких поискать, – беззлобно отозвался дед Ермолай, гляди-ка, уже познакомиться успела!

– Вот и нет! – торжественно объявила Ангелина Фёдоровна. – Он ей сумку до калитки донести помог. Представляете?

Севостьяныч недоверчиво усмехнулся: прежнего главу администрации даже Петровна не назвала бы положительным человеком. Всякий раз, появляясь на сельском празднике или митинге, тот куда-то спешил и не отвечал на вопросы. Правда, охотно давал интервью журналистам. Рассказывал интересные истории, делился планами... Только к жизни села его рассказы не имели никакого отношения. Зато дом прежний глава построил – всем на зависть. Целый замок! Белый с красной крышей. Двухэтажный. На самом верху красовался флюгер в виде петушка. Птица почему-то особенно не нравилась жителям села.

– Символично, – бросал на ходу Валерий Кузьмич, агроном со стажем.

– Петух-то в чём виноват? – спрашивала его жена. – Хорошая птица.

– Ни в чём, – рассуждал Кузьмич. – Одно слово – петух. Дед Ермолай в душе был согласен с агрономом, но вслух ничего не говорил: не наше это дело – судить ближних сво-

их. Хотя ругать власть Севостьяныч себе позволял. Куда это годится? «Урбанизация, – передразнивал он, – новые технологии!» А кто будет поднимать село? На нём всё и держится! Так что дед Ермолай скептически относился к кадровым перестановкам в администрации. Конечно, новая метла по-новому метёт. Да только новое – не всегда лучшее.

Как там говорится? Поживём – увидим? И то верно...

***

Сергей Анатольевич Порядин оказался высоким седовласым мужчиной в очках. Он всегда был при галстуке и только дома носил тельняшку. Со стороны это смотрелось комично, но, впрочем, у глав администрации свои причуды. Разве он не человек, в конце концов? Может, на флоте служил...

Шумно в доме: Людмила, жена, по хозяйству хлопочет. Детей почему-то не видно.

Дед Ермолай наблюдал за соседним домом. Это получалось как бы случайно. Севостьянычу очень хотелось написать о том, как весело теперь прыгают по крыше длинноухие солнечные зайчики, как заливисто звенит колокольчик у двери, как соседский дом пробуждается к жизни. Но к чему душу травить! Всё одно не получится *складно*, стало быть, ненужный это труд. Слово должно побуждать к действию, а коли ты пишешь для удовольствия своего, так и нечего выдавать это за *литературное произведение*...

Ангелина Фёдоровна не соглашалась. Она долго уговаривала деда Ермолая прочитать что-то из его рассказов.

– Хоть немножко! Пусть и мудрёно, а всё ж любопытно мне!

– Почему мудрёно? – удивлялся старик.

– Не знаю, – задумывалась соседка, – надо, чтоб сердце отзывалось, а ежели оно молчит? Значит, перемудрил автор. Или мы совсем тёмные стали, не поспеваем за мыслью...

– То-то и оно. Вишня символизирует молодость, цветы граната – любовь... Как там ещё пишут? А звёзды – вот, рядом! Ничего они не символизируют, просто смотришь на небо и чувствуешь: счастливый я человек!

– Верно, верно...

– Смотри, – Севостьяныч принёс стопку листов бумаги, перевязанных верёвочкой. Он спешил, руки дрожали, справиться с узлом никак не удавалось.

– Дай-ка я попробую! – вмешалась Ангелина Фёдоровна. Вот как ловко у неё всё получается! Любое дело спорится. Бывают же такие хозяйки, такие добрые, верные и понимающие друзья. Что бы ей такое приятное сказать? Думал-думал дед Ермолай, да так и не сообразил. Слова куда-то разбежались.

«Ну и писатель!» – посмеялся он про себя. – «Курам на смех!»

Сели под яблоней.

– «Холодные зори нынче. Небо далёкое, тёмное, хмурое. Гремит где-то. Неужто дождь собирается? А выглянет солнце, улыбнётся ласково – и расцветёт земля ответною улыб-

кою, потянется к теплу, задышит. Вместе с ней и мы воспрянем. Переменчива погода, да светило наше – вечное. Резвится, точно дитя малое, и силы жизненные в нём такие же».

– Ну вот! Ладно получается! – поддерживала Ангелина Фёдоровна.

Литературные вечера вошли в привычку.

– Рада я слушать. Будто поднимается что-то в душе и обрывается. Понимаешь больше, видишь лучше... Может, Петровну позвать, а? На ней и проверим, действует ли твоё слово на людей.

– Ни в коем случае! – пугался Севостьяныч. – Не хватало ещё позора на мою седую голову! Игнатьичу не приглянулось, московским тоже... Пора заканчивать эксперименты.

– А мне? А Алексею твоему? Нам приглянулось! Да и потом, в редакции оценили! Мало ли – переиначили. У них формат.

– Нет, боюсь я. Пускай остаётся так, как есть.

– Зря, – вздыхала Ангелина Фёдоровна.

На следующий день, когда дед Ермолай читал вслух рассказ о малине, из-за калитки показалась маленькая круглая голова с двумя задорными хвостиками. Серые глаза смотрели внимательно и лукаво.

– Глянь-ка, – кивнул Севостьяныч соседке, – девчушка. Чья такая?

– Может, познакомиться хочет. Узнать надобно.

Дед Ермолай отложил рукопись и поднялся. Серые глаза

теперь взглянули настороженно.

– Простите, дедушка! Я только послушать хотела!

– Да ничего, ничего. Не убегай, куда ты!

Девочка остановилась.

– А Вы не обижаетесь?

– На что ж тут обижаться?!

– Про малину очень интересно! Я люблю чай с малиной, – поделилась девочка и придвинулась поближе к калитке.

– Вот какое совпадение! Мы с Ангелиной Фёдоровной как раз его и пьём. Присоединяйся! Медовик попробуй. Вкусно.

– Можно?

– Почему ж нет. Рады будем. Если у тебя нет никаких дел.

– Какие дела! – отмахнулась девочка. – Я вон из того дома.

Гуляла-гуляла и пришла к вам.

– Так ты Сергея Анатольича дочка?

– Точно! Анна Сергеевна.

– Сколько лет тебе, Анна Сергеевна?

– Восьмой пошёл. У меня весной день рождения! Тридцать первого мая. Очень удобно.

В чём заключается удобство празднования дня рождения тридцать первого мая, Севостьяныч спрашивать не стал. Право слово, неудобно держать гостя у дверей и задавать вопросы! Надо и к столу пригласить, и угостить...

– Проходи, не стесняйся! Папа-то разрешает по деревне бегать?

– Разрешает, – беспечно отозвалась девочка, – он говорит,

что я хорошо чувствую людей.

– Это как же? – заинтересовался дед Ермолай. Но Ангелина Фёдоровна вмешалась:

– Здравствуй, гостья дорогая! Садись, я сейчас чайку налью... С малиной. Здесь и медовик, и пряники, и сушки... Выбирай! А лучше пробуй всё сразу. Тоненькая какая! Тебе надо больше кушать.

– Спасибо, – девочка благодарно посмотрела на своих новых знакомых, – но не в коня корм! Папа так говорит и смеётся. Это значит, что у меня энергии много.

– А раньше тебя здесь как будто не было видно?

– Я у бабушки в соседней деревне гостила. Теперь вот приехала. Тут веселее! А Вы, дедушка, сами про малину сочинили?

Севостьяныч кивнул. Он не переставал удивляться: какая дочка у главы администрации! Весёлая, сметливая!

Тем временем Анна Сергеевна аккуратно, стараясь не ронять крошки на жёлтый сарафан с цветочками, ела медовик. Но по ссадинам на коленках можно было определить, что она не всегда столь ответственно относилась к своему внешнему виду.

– Очень вкусно, – сказала гостья, – спасибо. Я тоже учусь готовить. Недавно мы с мамой пекли пирожки... По-моему, с яблоками – самые чудесные! А вы как думаете?

– Ягодные пироги тоже хорошие получаются, – мечтательно сказал Севостьяныч.

– Например, ежевичный. Или вот с малиной можно сделать, – поддержала Ангелина Фёдоровна. – В следующий раз приходи на чай, попробуем!

– Обязательно! А про малину Вы сами, да?– обратилась девочка к деду Ермолаю.

– В некотором роде... Да.

– А можно дальше? У Вас так забавно получается. Не сказка, а похоже.

– Неужто тебе это интересно? – удивился Севостьяныч. – С нами, со стариками, не поговоришь, не повеселишься. Лучше с друзьями играть или на велосипеде кататься...

– Конечно, интересно, – Анна Сергеевна рассмеялась, – иначе зачем бы я пришла? Друзей пока нет. А велосипед трёхколёсный, представляете? Папа обещал купить двухколёсный, но с этим можно подождать... Зато у меня есть Мыша.

Она показала вязаную мышку в пёстрой рубашке и брюках на пуговицах.

– Мама сделала.

– Вот это да! – воскликнула Ангелина Фёдоровна. – Как живая.

– Мама и Вас научит, – с энтузиазмом продолжила девочка, – хотите? Приходите в гости! Будем рады.

Старики переглянулись. Милые, милые дети! Как легко они заводят знакомство с разными людьми! И знать не знают о том, что пенсионерам и представителям власти вряд ли

удастся найти общие темы для разговора. Обсуждать положение дел в родной деревне? Ну, кому она родная, а кому и чужая. О стихах говорить, об огороде, о ценах? Неискренняя получится беседа. У каждого свои вопросы, свои интересы. Свои цели.

Но новая знакомая доверчиво и простодушно улыбалась. Может, ещё рано делать выводы? Отец её не давал невыполнимых обещаний, не отлынивал от работы. Здравовался при встрече, в конце концов.

– Лучше ты к нам! – нашлась Ангелина Фёдоровна. – Если родители не станут возражать.

– Не станут!

Так и повелось. Дед Ермолай читал рассказы сразу двум слушательницам. Вскоре Аня привела Кольку Быкова – второклассника, который не любил сидеть на месте и с завидной регулярностью придумывал новые развлечения и шалости.

– Вот! Мой новый друг! Тоже хочет послушать сказки, то есть рассказы!

– Ты, Колька, честно скажи, – усмехнулся дед Ермолай, – яблоки собирать пришёл? Или клад у меня в огороде искать? Аль ещё что?

Быков обиделся.

– Чуть что, сразу Колька виноват! Не искал я у Протасовых никакого клада! Это кроты! А яблоки у Маринки Евсейвой градом побилло! Разве Вы не видели, какой давеча град был?

Аня перебила:

– Нет-нет, он на самом деле пришёл послушать. Может, и перевоспитается заодно. Ведь всё то, о чём Вы говорили, происходит потому, что многим детям в деревне скучно. Колька! А ты, оказывается, ещё и врешь!

– Да правда кроты! – гость вскочил и возмущённо посмотрел на свою подругу.

– Ладно, – примирительно сказала Ангелина Фёдоровна. – О чём сегодня будем слушать?

– Может, о кошках и о ёжиках? О том, как они гуляют ночью? – предложила Аня.

И зашуршала бумага, и запыхтел самовар, и были разложены по тарелкам порции ежевичного пирога. Дед Ермолай читал рассказ и чувствовал радость и спокойствие: они – понимают! Они – верят! Значит, всё не зря.

***

Любителей литературных дней и вечеров в саду становилось больше и больше. Не раз уже, проходя мимо и видя детей, которые, словно галчата, сидели вокруг Севостьяныча и Ангелины Фёдоровны и внимательно слушали, глава администрации ласково улыбался. Он даже был немного удивлён: что это за встречи такие? Никто не хулиганит, не кричит, не дерётся. Послушать бы... Но у Порядина неизменно находились свои дела. Собрание актива, например. Да и мало ли забот у руководителя?

Однажды, когда дед Ермолай поливал цветы возле дома,

пришла Аня. Хитро улыбнулась:

– Помочь Вам?

– Спасибо, – сказал Севостьяныч, – как-нибудь управлюсь. Вёдра тяжёлые. А ты, егоза, как отдыхаешь-то?

– Хорошо! Я пришла спросить: можно папе тоже прийти, когда Вы будете читать свои рассказы?

Старик растерялся:

– Зачем это?

– Ему тоже интересно! В общем, так. Возвращаюсь я домой, а он спрашивает: «Ну как, Анюта, освоилась в деревне? Друзья появились?» Говорю: «Ещё какие!» и про Вас рассказываю, и про Ангелину Фёдоровну, и про Кольку, и про Таню Тришину, и про Митьку с Советской улицы... В общем, про всех. И папе это очень-очень понравилось! Особенно то, что Вы сами пишете. «А меня примете к себе?» – спрашивает. Примем?

– Отчего ж не принять, – неуверенно ответил дед Ермолай. Он не знал, что делать. Петровну, значит, не позвали, а Порядина примем? С другой стороны, Петровна никогда не интересовалась искусством. Но тем хуже! Опозориться и перед администрацией, и перед селом! Вот и объясни этой смешной девчужке, почему не хочешь приглашать её отца на чтения!

– А разве он любит рассказы? Мои неинтересные, – попытался выкрутиться Севостьяныч.

– Конечно! – уверенно сказала Аня. – Мы ведь и перееха-

ли сюда, чтобы отдохнуть от города и послушать, как бьётся сердце деревни. Или деревьев? – Она наморщила лоб, пытаюсь вспомнить. – Наверное, всё-таки деревни, ведь у деревьев много сердец. Да, что-то такое папа и сказал.

– Отдохнуть? На курорт, что ли?

– Нет! Навсегда. Там шумно, грязно, а здесь хорошо и привольно! В общем, Вы согласны? Спасибо!

Она поспешила домой, а Севостьяныч остался стоять с опущенными руками. Теперь всё пропало. Придёт Порядин, нахмурит брови и скажет: «Нечего заниматься ерундой и забивать детям головы! Работайте! Дело себе найдите».

И раскрошится в пыль хрупкое счастье.

***

Аня привела отца. Он выглядел смущённым.

– Здравствуйте, – сказал Сергей Анатольевич, – вот, пришёл посмотреть, что за литературные гостиные у вас...

Он снова был в костюме.

– Проходите, – пригласил Севостьяныч, – вот стулья.

– Да мы так... – Порядин снял пиджак и... бросил его на траву. – Устал я на стульях сидеть.

Брови деда Ермолая поползли вверх. А глава администрации расположился на траве и приготовился слушать. В глазах его бегали весёлые искорки.

Вечер оказался замечательным. Превзошёл все ожидания, как написали бы в журналах.

– Да, хочу поднимать село, – рассказывал Порядин, – зву-

чит смешно. По-детски. Возможно, я идеалист. Но, знаете, жизнь надо прожить не просто так. Не пролететь по ней кометой и не пройти по головам, лишь бы занять место получше, потеплее, подходнее. Масштабнее как-то надо, Вы не находите?

– Верно, – кивал Севостьяныч. Он проникался симпатией к своему собеседнику. И не знал, что это за диковинное явление. Наивность? Незрелость? Или же иной взгляд на мир? Взгляд за горизонт? Взгляд в небеса?

– Я всматриваюсь в жизнь, – подтвердил Сергей Анатольевич. – Поэтому и ношу очки. Глаза, знаете ли, устают.

Он грустно улыбнулся собственной шутке.

– А Ваши рассказы, они... Хорошие. Честно говорю. Видите, как дети к Вам тянутся. Они умеют чувствовать и понимать. Да чего там... Жить они умеют. А из нас многие – разучились.

Холодало. В темноте светились окна соседнего дома. Дед Ермолай думал: «Ба! Да со мной беседует настоящий поэт!»

– Вы не пробовали писать? – спросил он.

– Что Вы. Какой из меня писатель. Вот, кстати, есть у нас «Вестник села». Не хотите публиковаться? Можно поговорить с редактором... Я читал газету... Возможно, стоило бы включить в состав элементы творчества.

Севостьяныч не знал, как бы потактичнее объяснить, что он... в некотором роде... пытался. Да и теперь, прислушиваясь к себе, старик мог честно ответить: это уже не нужно.

Лишнее это. Те, чьи сердца надо было жечь глаголом, пришли сами. А другие... Может, их собственные дети откроют им глаза?

– И всё-таки подумайте, – прощаясь, сказал глава администрации, – ведь капля камень точит.

Дед Ермолай обещал подумать. И придумал. На следующий же день он поделился своей идеей с Порядиным.

***

Алексей прибыл в деревню в хорошем настроении. Выходные! О, это волшебное слово! Бодрящее, как ключевая вода в жаркий день, и радостное, как ребёнок, только что получивший подарок.

– Как дела, дед? Вижу, повеселел?

Дед Ермолай встречал внука в любимой васильковой рубашке. Он сиял, как новенькая монетка. В руках держал газету.

– Смотри, Лексей, какие дела творятся! Наш глава в «Вестнике села» творческую страничку ввёл. И адрес написал, куда можно работы отправлять! Теперь любой, кто хочет, будет здесь печатать свои произведения, фотографии, да что угодно! А там, глядишь, и клуб по интересам создадим!

Михал Игнатьич, узнав, что творчество в любых формах селу необходимо, вспомнил балет по телевизору и возражать не стал. И оказалось, что родная земля выкормила столько славных поэтов и писателей!

– Вот это да! Молодец какой ваш глава! Неужели сам до-

думался? Или подсказал кто? – Алексей посмотрел на Севостьяныча.

Дед Ермолай засмутился:

– Да... В общем говоря... В целом... Сам. Тут другая жизнь начнётся скоро, увидишь! Телефон нормальный наконец-то провели, связь без перебоев.

– А ты, дед, отправил уже свои рассказы?

– Нет, обожду пока. Там и без меня целая очередь! А первый в списке – Колька Быков! Помнишь, говорил я тебе о нём? Решил писать рассказы о пиратах, о морях-океанах. Анята его спрашивает: «Это зачем? Выдумки какие-то». Он ей и отвечает: «Никакие не выдумки! В истории и не такое случалось!»

Алексей только головой качал. Дед будто помолодел лет на десять-пятнадцать! Вот что с человеком делает ощущение того, что он на своём месте, что он нужен кому-то!

– Знаешь, что ещё? – не унимался дед Ермолай. – Порядин, глава наш, собрал работы на конкурс «Душа деревни». Вот, участвую...

Внук улыбнулся:

– Горжусь!

Заглянула Ангелина Фёдоровна:

– Ой, простите, я не вовремя...

– Отчего ж? Проходи! Сегодня мы тебя угощать будем!

Знакомья: Лексей, внук мой!

Так дед Ермолай обрёл спокойствие.

***

Стояло солнечное утро. Дети запускали воздушного змея где-то в поле, Ангелина Фёдоровна выбирала на рынке новый платочек, Порядин участвовал в очередном совещании, а Михал Игнатъич правил карандашом статью Петровны об удоях. Дед Ермолай чинил радиоприёмник.

Серёжка постучал в дверь:

– Вам письмо! В огромном конверте! Опять!

– Что же это? – удивился Севостьяныч.

– Ох, и интересно же!

– «Уважаемый Ермолай Севостьянович! Спешим сообщить, что Вы заняли первое место в конкурсе прозаических произведений «Душа деревни»! Благодарим за искренность, теплоту и бережное обращение со словами!»

– Такие дела, Серёжка, – тихо улыбнулся дед Ермолай, – приходи чай пить, когда работу закончишь! У нас по вечерам компания собирается...

– Приду! Не один, а с конфетами, – добавил почтальон, – а Вы будто и не рады?

– Рад я, Серёжка. Да оказывается, счастье моё и без этой грамоты, и без *го-но-ра-ра* было полным. Хорошие люди рядом – главное богатство. А скольких хороших людей я встретил за это время – и не сосчитать. Вот моя награда. Теперь, оказывается, и творчество к месту...

Нет, не умрёт деревня, не станет прошлым, не растворится в сером дыму и в ослепляющем свете фонарей, пока есть

на свете такие характеры!